

ИСТОРИЯ ТРУДА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В вышедших за четыре года номерах журнала «Историко-экономические исследования» опубликовано немало интересных материалов по истории труда, хотя далеко не все оценки авторов кажутся нам обоснованными. Да и сами публикации с точки зрения соотношения фактов и обобщений часто — в крайностях: одни излагают факты и события, а другие — весьма дискуссионные их интерпретации. Речь идет, прежде всего, о материалах по вопросам трудовой мобильности и мотивации, весьма близких мне по исследованиям 1960–80-х годов.

Ряд авторов исходит из получившего распространение в литературе деления советского периода на два этапа: «Первый этап (с 1917 года до середины 50-х годов) — так называемый «казарменный социализм», второй (после «хрущевской оттепели») — «патерналистский социализм»¹. С такой периодизацией вряд ли можно согласиться и, прежде всего, потому, что оставляет за рамками целый период, связанный с деятельностью Алексея Капитоновича Гастева — одного из зачинателей российской системы «научной организации труда», создателя и на протяжении 18 лет (с 1920 по 1938) руководителя Центрального института труда (ЦИТ) ВЦСПС².

А.К. Гастев упоминается в публикациях лишь однажды, да и то в качестве автора «машинизации человека». Между тем, под его руководством были написаны и реализованы многие методики обучения, «подготовлено более полумиллиона квалифицированных рабочих двухсот специальностей ... свыше 20 тысяч инструкторов производства, установщиков, контролеров, консультантов по НОТ»³.

Деление советского периода истории труда на указанные выше два этапа выглядит упрощенным. Периодизация нуждается в детализации, поскольку выделение столь крупных периодов в значительной мере упрощает реальную картину. Нуждается в

корректировке и используемая терминология: названия этапов оставляют желать лучшего.

Ясно, что ЦИТ Гастева по НОТ — это опущенный этап в истории труда в нашей стране и его следует восстановить! Требуется более детальная периодизация и весьма сомнительно, что 1922–1928 гг., т.е. период НЭПа, можно целиком вместить в «казарменный социализм». И не только потому, что социализм еще не существовал, ведь его формирование относят лишь к 1937 году. С точки зрения организации труда можно говорить об этапе «казарменной революции» (1918–1921 гг.) — этапа полного отсутствия мотивации труда, и этапа формирования «казарменного и крепостнического социализма» в 1929–1937 гг., когда шло свертывание научной организации труда, расширение системы ГУЛАГ. Одновременно с этими «этапами» существовало параллельно направление — разработки и внедрения научной организации труда, возглавляемое А.К. Гастевым, завершившееся к 1938 г.

Поэтому утверждение, что 1918–1950 гг. — это один этап трудовой мобильности и мотивации — не убедителен из-за отсутствия аргументации и наличия разнообразных мотивов труда: от полного отсутствия мотивации, до активного функционирования в период НЭПа. Было бы целесообразнее выделять этапы военно-феодального, крепостнического, уравнительного, лагерного и т.п. социализма.

Но полное несогласие вызывает утверждение, что в условиях такого социализма «труд становится ... абсолютной **социальной нормой**» (выделено нами. — П.Л.)⁴. Удивительно, что такое определение дано после того, как изложены характеристики «казарменного социализма» — принуждение к труду, «мотивация страха», уравнительное распределение, низкая уравнительная оплата труда и нищенский уровень жизни.

Другое дело: провозглашена норма, а законодательно закреплена обязанность! Конечно, в пропаганде, системе образования и воспитания, начиная с младшего детского возраста, активно внедрялся лозунг: «Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». А как этот процесс воспринимался? Многие представители старшего поколения могут показать это на собственном опыте.

Осенью 1941 года, мне — председателю совета пионерского отряда — пришлось возглавить бригаду младших школьников по сбору колосков. Проблема «сбора колосков» возникла в нашей стране после коллективизации: за работу в колхозах людям ничего не платили, или почти ничего, поскольку весь колхозный продукт сдавался бесплатно государству, платить было нечем, и очень мало выдавали натурой, по причине отсутствия остатков, поэтому сбор колосков был важнейшим средством выживания сельских жителей.

Еще в 1928 году, накануне начала массовой коллективизации, в стране были введены продовольственные карточки, а в 1932 г. был принят Закон о запрещении самостоятельного сбора колосков для своих нужд. За такое действие можно было получить 10 лет заключения, а то и расстрел. Но женщинам, учитывая семейное положение, давали по 3–4 года, даже если были еще и малые дети. Поля часто объезжали милицейские автомобили, в которые усаживали пойманных «на колосках», и больше их не видели несколько лет.

Во время Отечественной войны, даже в ее начале, роль колосков как источника выживания очень возросла: было приказано очистить все закрома и отправить запасы в распоряжение государства. Более того, требовали еще и пополнять поставки за счет сбора колосков.

В таких условиях отряды школьников (а уборка в Сибири едва заканчивалась в сентябре, а то и в октябре), вместо занятий в школе, отправлялись на поля, пешком конечно, с сумками и корзинами, выстраивались шеренгами в начале поля, и идя вдоль скошенных рядов, поднимали лежавшие колоски, или отрывали не срезанные колосья, наполняли ими сумки, а в конце поля, часто очень длинного (в 1,5–2,0 км), вытряхивали содержимое в ящики, мешки, телеги.

Уносить с собой колоски, даже в форме оплаты детского труда, запрещалось, да и работа проводилась бесплатно. Если бы все это проводилось для питания школьников, они бы стремились больше собрать. Какая здесь могла возникнуть мотивация труда, по приказу и бесплатно? Но некоторые сборщики, несмотря на предварительные предупреждения, ухитрились незаметно прятать колоски под одежду и уносить домой. Но часто они оказывались непосредственно у тела, и кожа покрывалась красными пятнами, но и на следующем сборе они снова, как потом выяснялось, пытались повторять свой тайный эксперимент: было желание после труда покушать вареные зерна! И это было не в прифронтовой полосе, а в Сибири, спустя два–три месяца после начала войны, когда даже жителям села было нечего кушать. Так что мотивация к труду у младших школьников формировалась на основе приказа директора школы явиться на обязательный сбор колосков в виде бесплатного труда и из желания у некоторых собрать что-то для себя. (Желание было у многих, но строгое распоряжение большинство останавливало). Двойная мораль и «растаци-

ловка» формировались с детского возраста: труд по приказу, а не как «дело чести»; не дают (не платят) — утащить.

Война закончилась, но мы продолжали жить по законам военного времени или «военного социализма». Я не пишу здесь о ночных очередях за хлебом, в которых многие дети даже спали на ступеньках магазинов с вечера и до утра, ожидая, хотя и маленькие, но такие необходимые порции хлеба. В 1946, как и в следующем 1947 году, карточки продовольственные действовали до 14 декабря.

В 1946 году, как и во время войны, учащихся даже 10 выпускного класса отправили на уборку до конца октября. Нас отправили в далекий совхоз к границе соседнего Алтайского края, где «нет ни сел, ни деревень», а сплошное поле и бездорожье. Здесь мне пришлось осваивать новую специальность штурвального на стареньком комбайне «Коммунар». Если техника работала, то мы косили «от темна и до темна», в том числе и при свете фар. В темноте шли от комбайна к шалашу и утром обратно по 2–3 километра по перепаханной сырой земле, а я в старой отцовской обуви большого размера, которая натирала ноги. Ни о какой медицинской помощи не могло быть и речи: ни бинта, ни йода. Почти две недели ходил с опухшей ногой пока не выпал снег в конце октября — отъезд досрочно исключался, он расценивался как дезертирство. В 20-х числах октября приехал домой с опухшей ногой с температурой под 39 градусов, передвигаясь при помощи палки. Болел дома с высокой температурой, в больнице места не нашлось. Последствия остались на всю жизнь, в 1950-е годы перенес две операции, а необходимость их выяснилась только после окончания института и оформлением офицера запаса.

И это на бесплатной работе, в форме мобилизации по распоряжению властей, без соблюдения норм рабочего времени, условий труда и быта для не достигших 18-летнего возраста, без всякой медицинской помощи. Так формировалась трудовая мотивация у молодежи во время и после Отечественной войны, осуществлялся процесс становления труда «абсолютной **социальной** нормой»?!

Воспоминания «иллюстрируют» процесс формирования «нормы» отношения к труду — трудовой мотивации в 1930–50-е годы, которую трудно воспринимать в качестве «социальной». Это была ярко выраженная **антисоциальная** форма, включая методы утверждения силой власти **обязанности трудиться по приказу** всем «от мала — до велика».

После разгрома трудовой школы ЦИТ в 1930-е годы, перед войной и после нее, о системе НОТ не говорили, не писали и не думали. Все сводилось к обязанности трудиться там, где приказано, часто без всяких условий, без оплаты или при ее

формальном (минимальном) уровне. В истории труда советской эпохи нужно не повторять историко-административную периодизацию, не подстраиваться к ней, а выделить присущие собственно истории труда периоды и этапы становления, формирования трудовых отношений, с учетом трудовых и социальных школ и направлений, формировавшихся при участии государства и без него.

В советское время: 1918–1921 гг. — этап военного коммунизма — бесплатный, уравнительный труд с натуральным пайком, с «коммунистическими субботниками» и «трудовым соревнованием». 1922–1928 гг. — этап НЭПа, но и одновременно, с 1920 — этап НОТ ЦИТ Гастева, деятельность которого распространялась не только на государственные, но и на «нэпманские» предприятия и организации, т.е. со вторым направлением трудовой мотивации — рыночным.

Затем вновь продолжают этапы «соревнований»: с 1929 г. — бригадное соревнование; с 1935 г. — стахановское движение; с 1958 г. — движение за коммунистическое отношение к труду. Но рядом и одновременно постепенно начинают расти и набирать силу другие направления, активно примыкающие к НОТ: проводятся исследования движения (текучности, устойчивости) рабочих кадров; в общественных организациях и на предприятиях создаются лаборатории НОТ и У; осуществляются исследования по проблемам социального планирования. Во всех этих работах мне пришлось участвовать с 1958 по 1985 гг.⁵ Их роль и значение в истории труда еще предстоит осмыслить будущим исследователям.

Примечания

¹ Бахматова Т.Г. Исторические особенности изменения характера трудовой мобильности в России и подходов к ее изучению // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 98.

² Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1972. Т. 1. С. 306.

³ Черкасов Г. Научная организация труда. М., 1967. С. 20–21.

⁴ Озерникова Т.Г. Институциональные факторы формирования трудовой мотивации в советский период // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 125.

⁵ См.: Лузан П.П. Роль производственного коллектива в обеспечении устойчивости рабочих кадров // Социалистический производственный коллектив. М., 1964. С. 135–149; Лузан П.П. Социальное развитие коллектива и изменение содержания труда. М., 1978. 63 с.; Лузан П.П. Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972. 206 с.; и др.